

ДИСКУССИОННЫЙ

КЛУБ Наука и идеология

В статье декана социологического факультета Харьковского Государственного университета кандидата философских наук Вил» БАКИРОВА представлена новая, еще не встречавшаяся в нашей дискуссии точка зрения. В отличие от некоторых ее участников, он при рассмотрении отношений идеологии и науки подвергает критике, главным образом, последнюю, в частности, критически оценивает методологические притязания социальной науки на обоснование выбора формы общественного устройства.

Решение этой проблемы ставится в зависимость от итогов взаимодействия двух крупных идеологических направлений в жизни нашего перестраивающегося общества - «радикально-демократического» и «фундаменталистско-социалистического». Рассуждения авторов опираются на данные некоторых современных социологических исследований.

В. БАКИРОВ: *Какая идеология у нас возможна?*

Одной из примет нашей сегодняшней общественной жизни является острая и напряженная идеологическая борьба. Речь идет не о воспелых доперестроечным обществоведением идеологических битвах между «реальным социализмом» и капиталистическим Западом. Идеологическое противостояние развернулось внутри нашего собственного общества, которое долгое время представлялось многим идеологически монолитный и одномерным. Вызывает, однако, удивление то, что ситуация глубокого идеологического размежевания остается нередко незамечаемой. Внимание социальных аналитиков (как теоретиков, так и публицистов) поглощено другим: выяснением прав государственной идеологии на существование, составлением списка обвинений в ее адрес.

Голоса, обвиняющие идеологию во всех бедах, постигших общество, звучат громко и страстно: «Что с нами случилось?

Почему так кровоточат межнациональные отношения? Почему целые народы, как обезумевшие родители на охваченном паникой корабле, пытаются, схватив своих детей, выпрыгнуть за борт? Отчего такой дефицит? Отчего, даже если и удастся приобрести нужную вещь, она почти всегда плохо сделана? В ней как бы заложено изначальное стремление к уродству. Почему в метро, в толпе, в очереди так редки хорошие человеческие лица? Кажется, люди, кик и воши, сделанные ими, зачаты наспех, мимоходом и даже с некоторым отвращением. А может быть, то, что мы делаем, одновременно делает нас? Каким мы сделали окружающий нас мир, таким и он сделал нас? Идеология — вот, на мой взгляд, первопричина всего»¹. Ну, а раз как выяснилось, идеология - корень всяче-

¹ Искандер Ф. Человек идеологизированный. «Огонек», 1990, М 11, с. 8.

ского зла, то требуется немедленная деидеологизация, различные варианты которой и обсуждаются в печати. Среди них отказ от моноидеологии, отказ от государственной идеологии и, наконец, отказ от идеологии как таковой.

Работа по деидеологизации ведется не только в теоретическом плане, но и в практической плоскости. Активно идет кампания по переименованию республик, городов и улиц. В вузах проводятся методологические семинары по деидеологизации преподавания общественных наук.

Но означает ли, что тем самым мы освобождаемся от идеологии? Я убежден, что нет, ибо идеология - - не следствие некомпетентности, благоглупости или злого умысла, а необходимое условие функционирования общества, деятельности общественных движений, политических партий и т. д.

Консолидирующий нормативный образ общества

Идеология производится не «идеологическим сословием» — последнее лишь теоретически «оформляет» требования и стимулы, идущие от внутренних связей и закономерностей функционирования социальной системы. Конкретные идеологические конструкции и способы их функционирования складываются в результате действия и взаимодействия множества социальных и культурных факторов, выступают необходимым компонентом жизнедеятельности общественного организма. То, что наша доперестроечная жизнь — от семейно-брачных отношений до внешнеполитических акций --рассматривалась как служение высшим идеям, которым же она якобы и была обязана всеми своими реальными и мнимыми достижениями, можно объяснить по-раному. Массовый гипноз, политические репрессии, самообман все это было и сыграло свою роль. Но главное в другом. Та идеология, та форма идеологической жизни, о которых идет речь, создавались, принимались и воспроизводились миллионами людей, творивших тем самым себя и всю систему своих общественных отношений. Те же, для кого идеология была профессией, т. е. «идеологи», как писал М. Мамардашвили, разрабатывали превращенное сознание.

стихийно порожденное общественным устройством².

Нельзя не сослаться в связи с этим на проделанный Э. Соловьевым тонкий анализ социокультурной ситуации, сложившейся в нашей стране к началу 30-х годов и обусловившей превращение «сталинизма» в прочную структуру бытия массового сознания. Деклассирование трудящегося населения России в годы первой мировой войны, а затем гражданской войны и разрухи, сплошной коллективизации и форсированной индустриализации привело к появлению особой человеческой массы, по определению Соловьева, — «новоиндустриального пред-пролетариата». Из условий жизни этой массы, неквалифицированной, бедной и зависимой от государства-работодателя, экономически униженной и политически амбициозной, «вырастали стихийные представления, максимально близкие по содержанию тем идеям, которые Стадия и его ближайшее окружение обдумывали расчетливо — в качестве политического инструментария, необходимого для борьбы за неограниченную власть»³.

Нельзя согласиться с пониманием идеологии только как насильственно и демагогически навязываемой людям системы мыслей, требующей своего практического воплощения. Трудно согласиться и с тем, что главными определяющими идеологию характеристиками являются следующие: «ложная», «иллюзорная», «ошибочная» и т. и. Идеология возникает и существует отнюдь не для того, чтобы отражать мир, быть зеркалом его объективных связей и закономерностей. Идеология возникает и существует с единственной целью — сохранить или создать определенный общественный порядок, консолидировать на этой основе как можно большее количество людей. Упрекать идеологию в том, что она неверно отражает реальность, — то же самое, что упрекать кандидата в президенты в нереальности раздаваемых им предвыборных обещаний. Идеология — не форма познания, а форма социального контро-

² Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1990, с. 311. ³ Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права. «Квинтэссенция: философский альманах». М., 1990, с. 180.

ля, инструмент подчинения индивидуальных человеческих поступков общим целям и нормам, интеграции их в единую систему социального взаимодействия. Идеология, если абстрагироваться от ее конкретной формы, от степени детализации, от способов аргументации и т. п., есть не что иное, как консолидирующий нормативный образ общества. В современной обществоведческой лексике этот термин используется прежде всего в данном значении⁴. Разумеется, содержание идеологии не сводится к ценностным представлениям об основных параметрах желательного общественного устройства. Идеологический характер могут иметь суждения о чем угодно — о литературе, спорте, воспитании детей и т. д. Но все сводится — иногда через длинную цепь опосредствования — к обоснованию «необходимости», «правомерности», «неизбежности» и т. д. некоего общественного устройства, определенного социального порядка. Прямое отношения к научному познанию, к науке эта деятельность, на мой взгляд, не имеет.

Социальные группы и слои, люди, способные лучше других осознать и осмыслить интересы этих групп и слоев, тяготеют к тому типу социального устройства, который, как они осознанно или интуитивно полагают, обеспечивает им преимущество, позволяет реализовать свой потенциал и достичь поставленные цели. Данные науки, результаты научных исследований принимаются в расчет лишь в техническом, инструментальном плане, с точки зрения возможности и вероятности практического осуществлении соответствующей социальной модели, наиболее эффективных путей и шагов в этом направлении. Идеологи, таким образом,

это не люди, помешанные на каком-то социальном идеале и навязывающие его всем прочим. Это люди, убеждающие себя и других в преимуществах того или иного типа общественного устройства, той или иной линии, стратегии общественного развития, и предложение «убрать» их из институтов государственной власти и управления, конечно же, неосуществимо. Идеолог — отнюдь не строго фиксированная социальная и культурная роль. Идеологами сегодня успешно выступают и политические деятели, и журналисты, и деятели искусства, писателя, и люди, призывающие к деидеологизации.

Нельзя ли, однако, абстрагировавшись от классовых, групповых, национальных интересов, симпатий, привязанностей, поставить методы решения общих проблем на базу объективного научного знания? И решить с его помощью для начала простой вопрос: какую модель общественного устройства избрать ориентиром государственной деятельности. Может ли наука выступить верховным арбитром в споре о том, какой общественный строй лучше? Существуют серьезные сомнения на этот счет. Во-первых, современная наука вообще и социальная наука в первую очередь все более строятся на идее многообразия, полифонического объяснения и описания мира. Весьма проблематичной выглядит сегодня возможность монистического истолкования социального, исторического развития. Становится все более очевидным и «нелинейный», многовариантный его характер, и вытекающая из этого невозможность соизмерения с помощью науки ценности различных культур и социумов.

Думается, что сейчас и, по крайней мере, в обозримом будущем невозможно доказать с помощью методов, относимых к научным, что такая и только такая форма общественного устройства является единственно возможной и приемлемой в данное историческое время. Ссылки на уровень развития производительных сил, на исторические традиции, национальное и культурное своеобразие народа, на опыт мировой цивилизации здесь не помогут, ибо отсутствует жесткая детерминация реальных форм общественной жизни экономическими, техническими, культурными и другими структурами. Социальная

⁴ «... Под идеологией.- пишет А. Шафф,-я понимаю систему убеждений (beliefs) и позиций (attitudes) в значении предрасположенности человека действовать, которая на основе социально приемлемой системы ценностей детерминирует ориентацию действий человека, нацеленных на осуществление (достижение) признанной наилучшей формы общественной жизни. Вез таким образом понимаемой идеологии не может существовать никакое политическое движение, ни одна политическая партия...». См. Шафф А. Неизведанные зоны социализма. «Социализм будущего». М., 1990, с. 63.

реальность оказалась чрезвычайно пластичной, способной формироваться по различным моделям, выбор которых осуществляется отнюдь не людьми, профессионально занятыми наукой.

Второе сомнение связано с тем, что наука вступила в особый, «постнеклассический» период своего развития. Это проявляется, в частности, в глубоком теоретическом и методологическом кризисе классических социологических теорий — веберовской, дюркгеймовской, парсонсианской, марксистской и др.⁵ Обнаружилось, что даже естественнонаучное знание — не говоря уже о социальном — пронизано конкретными ценностными отношениями к миру, что принцип «свободы от ценностей» оказался нереализуемым. Выяснилось, что «объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекоразмерным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений»⁶. Пост-неклассическое научное знание может быть включено в процедуру обоснования социального выбора линии, при условии ценностного консенсуса различных общностей — народов, классов, социальных групп — на базе общечеловеческих, гуманистических ценностей. К сожалению, наше время скорее склонно к постмодернистскому отрицанию универсалистских тенденций и авторитетов.

Мысль о возможности апелляции к науке как к судье в идеологических спорах и наивна, и опасна. Об этом свидетельствуют уроки нашей собственной истории. Идеология, но которой мы жили, во имя чистоты которого было принесено так много жертв, освящалась высшим авторитетом науки. Она и именовалась научной. Это была моноидеология, нетерпимая к инакомыслию, поскольку уже по определению несла в себе научную истину, требующую безусловного подчинения. Нельзя не согласиться в этой связи с

А. Ахиезером, что «выдвижение науки как высшей ценности вовсе не означает, что имеется в виду реальная паука, а не очередная утопия, лишь переодетая в научные одежды»⁷.

Общество не способно существовать без идеологий, ориентирующих людей на те или иные образы «должной социальной реальности»⁸. Эти образы нужного, желательного, предпочитаемого и т. п. общественного устройства нельзя извлечь из объективного, «ценностно нейтрального» научного анализа действительности и затем распространить в массовом сознании. Они формируются в процессе непосредственного взаимодействия специализированных и стихийно массовых форм производства ценностного сознания. Лишь та идеологическая модель общественной жизни способна прочно утвердиться в сознании масс, превратиться в реальный ориентир и регулятор их социального поведения, которая создана при участии этих масс и вписывается в доминирующую в массовом сознании концепцию «хорошей жизни». Поэтому вопрос о том, какая идеология нам нужна, должен быть поставлен иначе, какая идеология у нас сейчас возможна?

Какую модель общества выбрать?

В настоящее время предлагаются две основные модели общественного развития. В чистом виде они соотносятся с двумя идеологическими направлениями: «радикально-демократическим», предлагающим перенести на отечественную почву формы общественного устройства существующие в развитых капиталистических странах, и «фундаменталистско-социалистическим», предлагающим в основном придерживаться того пути, которым мы шли до сих пор. Влияние этих идеологий на общественную жизнь, на мысли, поступки людей определяется ныне многими факторами. Это и мера образованности, таланта, интеллекта, активности тех, кто их разрабатывает, оформля-

⁵ См. Ядов В. О социальных процессах перестройки. «Коммунист», 1991, № в, с. 58. См. также: Федотова В. Г. Как исцелиться? «Общественные науки и современность». 1991. № 3.

⁶ С т е п и н В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации. «Вопросы философии», 198«. № 10. с. 17.

⁷ А х и е з е р А. Идеология - предмет науки, наука элемент идеологии. «Общественные науки и современность», 1991, № 1, с. 86;

⁸ Баталов Э. От тоталитарной идеологии к идеологическому плюрализму. «Общественные науки и современность» 1991, №3

ет и пропагандирует. Это и возможность их доступа к «масс медиа». Это, конечно же, и финансовые возможности социальных групп и слоев, заинтересованных в том или ином варианте общественного развития. Это и сложившийся в обстановке экономического и социального кризиса особый духовный климат, пронизанный вульгарно-марксистской верой в прямую зависимость форм социальной жизни от типа ее экономических и политических структур.

В массовом сознании сегодня уверенно лидирует «радикально-демократическая» идеология, обещающая полное процветание и благополучие в случае перехода на «западную» модель общественного устройства и энергично меняющая в связи с этим знаки на основных ценностных объектах культуры⁹. Массовое сознание все более очаровывается «радикал-демократами», подчиняется рыночным настроениям. Очень многие люди смотрят на рынок как на главное средство сна-генция, как на панацею¹⁰.

Будут ли позиции «радикально-демократической» идеологии усиливаться и дальше? Превратится ли она в духов-

⁹ Вот один из множества примеров. Несмотря на то, что в сказках, былинах, притчах, народном сознании богачи всегда жадны, злы, коварны, несмотря на евангельское «легче верблюду пройти в угодное ушко...», ведущая телевизионного конкурса «юных бизнесменов» с сердечными интонациями в голосе говорит: «Ведь все хорошо знают, что богатые люди - очень добрые люди!».

¹⁰ Опрос, проведенный социологами Харьковского университета при участии автора осенью 1990 г. в рамках общеакадемической программы «Человек. Наука. Общество» (опрошено 2 тыс. человек, представляющих различные социальные группы), показал, что 44% опрошенных согласны соединить преимущества социалистической системы с хорошими сторонами капиталистической системы; 39% считают, что нужно отказаться от идеологических догм и создавать такое же общество, как в развитых капиталистических странах. В марте 1991 г. по инициативе автора опрошено 480 преподавателей, сотрудников и студентов университета. 53% из них считают необходимым обеспечить в стране полную свободу частного предпринимательства. Эти данные носят локальный характер, но они подтверждаются результатами опросов в других регионах. См. Ядов В. Указ. соч.

вое основание новой жизни нашего общества? В поисках ответа на этот вопрос нельзя не принимать во внимание сильнейшую зависимость специализированного духовного производства от состояния и ожиданий массового сознания. В упомянутой статье Ахиезер справедливо пишет, что крен идеологической деятельности в сторону массового сознания опасен укреплением архаичных ценностей в ущерб ценностям, связанным с развитием и прогрессом, ведет к застою. Его позиция сводится к тому, что раз уж наше больное общество не может обойтись без идеологии, то надо вести речь об изменении ее прежней формы, использующей массовое сознание, найти какой-то способ идеологической интеграции общества, опираясь не на ожидания и стереотипы массового сознания, а на подлинную социальную науку. Однако трудно представить себе идеологическую систему, способную выполнить функцию интеграции общества, не считаясь с доминирующими в массовом сознании ценностями.

Зависимость идеологии от массового сознания усугубляется сильной социальной дисперсностью нашего общества. Индивиды не идентифицируют себя с социальными группами, с обществом и государством: на индивидуальное идеологическое сознание воспринимается ими не сквозь призму научного, претендующего на всеобщее значение знания, а посредством соизмерения с личными представлениями о жизни, ее ценностях и смысле. На вопрос: «Какая из социальных групп вам особенно близка, чьи интересы вы готовы защищать, отстаивать?» — 45% опрошенных социологами Харьковского университета осенью 1990 г. назвали семью и родственников, 19% — друзей, приятелей. Только 4% отнесли к таковым людей одинакового с ними социального положения (рабочих, интеллигенцию, учащихся и т.д.), 2% — людей своей профессии, 1% — людей, разделяющих их взгляды на пути развития общества.

На результатах опроса не могла не сказаться региональная специфика выборки, однако они красноречиво говорят о том, что ту или иную идеологическую систему советский человек принимает или отвергает, исходя прежде всего из

определенного понимания своих личных проблем и проблем своего ближайшего окружения. Идеология, следовательно, не имеет больших шансов прочно овладеть сознанием масс, если она резко расходится в своем ценностном содержании с типичным ценностным сознанием индивидов. Последние же отнюдь не произвольно строят свое ценностное отношение к миру. Они могут — под влиянием пропаганды, внушения, идеологической обработки — ценить нечто, не отвечающее их собственной сущностной определенности, но только до тех пор пока сами не верифицируют его реальную значимость накопленным жизненным опытом. Любую идеологию (в социологическом смысле) можно редуцировать к таящейся в ее глубине ценностной формуле, к конкретному сочетанию фундаментальных личностных ценностей-целей и ценностей-средств. Нормативный образ общества, отстаиваемый идеологами, есть не что иное, как благоприятные социальные условия реализации определенных жизненных целевых ценностей с помощью определенных ценностей инструментальных. Ценностная формула «радикально-демократической» идеологии сводится к следующему: главная ценность-цель человеческой жизни — «материальное благополучие», главная инструментальная ценность — «свобода». Ценностная формула «социалистического фундаментализма» такова: главная жизненная ценность-цель — «служение идеалам», главная инструментальная ценность — «равенство»¹¹.

И свобода, и равенство

Как показывают результаты многочисленных социологических исследований, массовое сознание подавляющего большинства советских людей сегодня безоговорочно ориентировано на материальное благополучие как главную смысловую, целевую ценность. Это обус-

¹¹ "Свобода" и «равенство» в данном контексте суть символы, за которыми стоят принципиально различные системы норм и ценностей, регулирующих экономическое и вообще социальное поведение людей. Анализ социокультурной природы свободы и равенства, их диалектики дан в работе Федотовой В. Г. «Свобода или равенство?» («Философские науки», 1991, № 4)

ловлено не только обстановкой растущей бедности, всевозможных дефицитов, но и общим уровнем культуры, образования, низкими духовными запросами, соответствующей структурой потребностей. Это же сознание сегодня склонно принимать в качестве инструментальной ценности свободу, поскольку очевидна ее прямая связь с высоким уровнем материального благосостояния. Рыночная, «свободная» экономика воспринимается людьми позитивно. Однако мне представляется, что инструментальная ценность свободы не может быть верифицирована массовым сознанием. Ведь человек, находящийся в ценностном поле свободы, живет и действует, полагаясь на свои собственные силы, рискуя, принимая самостоятельные решения и совершая выбор, неся личную ответственность за успех или неудачу своего дела, своей судьбы. «Экономическая свобода это свобода любой деятельности, включающая право выбора и сопряженные с этим риск и ответственность»¹².

Между тем социокультурные особенности дореволюционного развития России, образ жизни, детерминированный административно-командной экономикой и тоталитарным политическим режимом, традиционно формировали тип личности, ориентированный всей системой своих социальных качеств на принцип «равенства». В работах, посвященных социально-типическим особенностям советского человека, подчеркивается отсутствие у него инициативы, предприимчивости, желания и умения рисковать, дефицит индивидуально-волевого начала¹³.

Данная оценка совпадает с фиксируемыми социологическими опросами самооценками. Так, опрошенные осенью 1990 г. харьковчане на первые пять мест в иерархии присущих им качеств поставили следующие: ответственность и чув-

¹² Хайек Ф. А. Дорога к рабству. «Вопросы философии». 1990 № 11 с. 139.

¹³ См. Ядов В. Социальный тип личности. «Коммунист». 1988, № 10; Левада Ю. А., Ноткина Т. А. Мера всех вещей. «В человеческом измерении». М., 1989; Вишневский А. Г. Состояние общества. Социальные регуляторы. Человек. «Коммунист» 1989, № 4; Ольшанский В. Д. Социальная психология «винтиков» «Вопросы философии». 1989, № 8.

ство долга; доброжелательность и готовность помочь людям; исполнительность и дисциплинированность; честность и порядочность; скромность и умеренность в потребностях и запросах. То есть в своих собственных глазах респонденты предстают прежде всего как люди, более всего приспособленные к роли «исполнителя», но не самостоятельного «деятеля». Такие качества, как независимость в суждениях и действиях, решительность и готовность к риску, предприимчивость заметно уступают в самооценках качествам «исполнителя». Близкую к указанной выше структуру качеств респонденты построили и отвечая на вопрос: «Какие качества Вы хотели бы видеть в ваших детях?».

Жизнь по правилам «свободы» знакома советским людям пока только по «масс-медиа», которые в последнее время самым активным образом пропагандируют преимущества и достоинства рыночной экономики. Однако, оказавшись в реальной рыночной среде, люди быстро поймут, что ее законы несовместимы с теми социальными качествами, носителями которых они являются и которые не могут быть «сброшены» с человека, как старое пальто. Я думаю, что по мере внедрения и развития рыночных отношений будет реставрироваться в массовом сознании значение ценностей «равенства» и нарастать разочарование в ценностях «свободы».

Первые симптомы такого разочарования уже заметны. Об этом свидетельствует и опыт стран Восточной Европы, значительно опережающих нас в переходе к рыночной экономике. Весьма показательно в этой связи признание маршала Польского сейма Миколая Козакевича: «...Как маршал сейма я получаю сотни писем, и, поверьте, в основе большинства из них — желание социальной справедливости... Хотя эпоха «реального социализма» у нас завершилась, но прибитые им ценности сохраняются. Поэтому мы должны формировать такого рода капитализм, который будет принят обществом. Тот, который мы строим сейчас, общество может отринуть именно из-за его несоответствия принципам равенства...»¹⁴.

¹⁴ Цит. по: Друзенко А. Польша после ПНР. «Известия», 6 мая 1991.

Массовое сознание, таким образом, в конечном счете готово принять ту модель общественного устройства, которая будет обеспечивать целевые ценности, взятые из идеологии «демократов», а инструментальные ценности — из идеологии «консерваторов». Отсюда вытекают по меньшей мере два вывода. Первый состоит в том, что движение в сторону «свободной», рыночной экономики не может быть скачкообразным, мгновенным. Оно не может игнорировать потенциальное социальное сопротивление массового сознания, приверженного ценностям «равенства», адекватным структуре господствующего социального типа личности. Переход советской экономики на рыночные регуляторы будет сложным, длительным и мучительным процессом, предполагающим «дозированное» введение экономической «свободы», позволяющее людям постепенно адаптироваться к новой социально-экономической среде, изменяя тем самым свои социальные качества и свою систему ценностей.

Второй вывод относится к проблеме «идеологического обеспечения» (как было принято выражаться еще не так давно) модернизации нашего общества. Наиболее эффективной его формой будет раз-работка такой консолидирующей нормативной модели общественного устройства, которая позволяла бы соединить ценности разных идеологий в структуру, не противоречащую нашей нынешней ментальности. Ценности-цели в ней будут представлять собой единство материального и нематериального благополучия. В ценностях средствах «свобода» и «равенство»¹⁵. Жизнь во имя духовного равни-

¹⁵ Существует устойчивое мнение, что «свобода» и «равенство» — вечные и заклятые враги, и совместить их невозможно. Думается, что все же прав сэр Исая Берлин, говоривший, что «каждый из этих принципов для кого-то абсолютная ценность, но оба они вполне могут быть осознаны всеми нами, если только мы обладаем хоть каким-нибудь воображением, симпатией к человеку и желанием его понять. Ради равенства иногда бывает необходимо ограничить свободу. Свободу (при полном отсутствии которой исчезает всякий выбор, а вслед за ним — и возможность

тия и материального благополучия, ориентированная одновременно на ценности «вещного» и «невещного» богатства, обеспечиваемая свободой в гармонии с со-

остаться человеком в нашем понимании этого слова) порой приходится ограничивать и для развития социального обеспечения, для того чтобы накормить голодных, одеть нагих, дать кров бездомным, дать свободу кому-то другому, провести в жизнь принципы законности или справедливости». Исайя Берлин. Опасность иллюзий. «Литературная газета», февраль 1990.

циальным равенством и справедливостью — вот та труднодостижимая, но все более осознаваемая сегодня общечеловеческая ценностная формула, к признанию которой движется, несмотря на все свои политические, психологические, культурные, этнические различия, современное человечество. К ней идут сегодня и Запад, и Восток. Но нельзя забывать, что они идут из разных социокультурных пространств.

© В. Бакиров. 1991